

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.967



М. П. Оласиреги Родригес

**ПРОФИЛАКТИКА ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ:
МНОЖЕСТВО ТОЧЕК ЗРЕНИЯ, ЕДИНЫЙ ДИСКУРС?***
/ пер. с исп. Н. Дормидонтовой, А. Кашина,
К. Персовой, Е. Яниной

Правильная ссылка на статью:

Оласиреги Родригес М. П. Профилактика гендерного насилия: множество точек зрения, единый дискурс? / пер. с исп. Н. Дормидонтовой, А. Кашина, К. Персовой, Е. Яниной // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 299—320. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.967>.

For citation:

Olaciregui Rodríguez M. P. (2020) The Multiple Voices around the Prevention of Gender Violence / transl. from Spanish N. Dormidontova, A. Kashin, K. Persova, E. Yanina. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 299—320. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.967>. (In Russ.)

* Оригинал статьи: Olaciregui Rodríguez M. P. (2017) Prevenir la Violencia de Género: Muchas Voces, ¿Un Discurso? *Sortuz: Oñati Journal of Emergent Socio-Legal Studies*. Vol. 9. P. 46—64. Публикуется с разрешения автора. Перевод с испанского: Наталия Дормидонтова, Анатолий Кашин, Ксения Персова, Елизавета Янина. Переводчики благодарят Александра Кондакова, Люсеро Ибарру Рохас, Дарью Синицыну и Евгения Шторна за помощь в подготовке материала.

ПРОФИЛАКТИКА ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ: МНОЖЕСТВО ТОЧЕК ЗРЕНИЯ, ЕДИНЫЙ ДИСКУРС? / пер. с исп. Н. Дормидонтовой, А. Кашина, К. Персовой, Е. Яниной

ОЛАСИРЕГИ Родригес Мария Пас — научный сотрудник юридического факультета, Университет Сарагосы, Сарагоса, Испания

E-MAIL: mpolaciregui@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2647-2060>

Аннотация. Органический закон 1/2004 о комплексных мерах защиты от гендерного насилия (LO 1/2004) предполагает формальное признание мужского шовинизма и связанного с ним насилия вопросом государственной важности в Испании, так как речь идет о нарушении прав человека. Такой вид насилия можно расценивать как результат исторически сложившегося неравноправия мужчин и женщин и постоянной дискриминации женщин, поэтому необходимо предпринимать комплексные меры и сделать ставку на профилактику. Спустя годы после принятия LO 1/2004 наше общество все еще страдает от последствий гендерного насилия. Задача по профилактике остается нерешенной на всех этапах, равно как отсутствует и исчерпывающая оценка применения этого закона. Цель настоящей работы заключается в формулировании критических замечаний о так называемой вторичной профилактике гендерного насилия, о трактовке этого понятия и его применении в различных сферах: социальной, правоохранительной и юридической.

THE MULTIPLE VOICES AROUND THE PREVENTION OF GENDER VIOLENCE / transl. from Spanish N. Dormidontova, A. Kashin, K. Persova, E. Yanina

Maria Paz OLACIREGUI RODRIGUEZ¹ — Researcher, Faculty of Law

E-MAIL: mpolaciregui@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2647-2060>

¹ University of Zaragoza, Zaragoza, Spain

Abstract. The Organic Act 1/2004 on Integrated Protection Measures Against Gender Violence (LO 1/2004) considers formal recognition of male chauvinism and gender-based violence as an issue of state concern in Spain, as it deals with violation of human rights. This sort of violence is understood as long-standing historical power imbalance between men and women and extensive discrimination against women, thus it requires comprehensive measures, especially preventive activities. Long after the Organic Act LO 1/2004 was adopted the Spanish society is still facing gender-based violence. Prevention is an unresolved issue at all the stages, as is any exhaustive evaluation of how the Act is being implemented. In this regard, this work aims to provide some critical ideas regarding the so-called “secondary prevention of gender violence”, and how this concept is interpreted and applied in different areas, such as social life, law enforcement and legal sector.

Ключевые слова: гендерное насилие, государственная политика, предотвращение, дискурс, риск

Keywords: gender violence, prevention, policy, discourse, state policy, risk

Введение

Органический закон¹ 1/2004 «О комплексных мерах по защите от гендерного насилия» (далее — ОЗ 1/2004) стал знаковым нормативным актом в национальном законодательстве Испании о борьбе с гендерным насилием. Само по себе признание мужского шовинизма и связанных с ним преступлений против женщин — позитивное изменение, так как оно способствовало разработке новых юридических, социальных и технических норм по расширению прав жертв гендерного насилия. Однако непрекращающиеся случаи гендерного насилия свидетельствуют о недостаточности предпринимаемых усилий. Еще в 2006 г. М. Кальво Гарсиа предупреждал, что без развития механизмов оперативного задействования людских и материальных ресурсов ОЗ 1/2004 приведет лишь к негативным последствиям [Calvo García, 2006]. Мы уже наблюдаем эти «негативные последствия», незаменимым инструментом для борьбы с ними остаются меры профилактики. В связи с этим мы приняли решение посвятить настоящее исследование этому направлению, ведь основные усилия правительства Испании сосредоточены именно на уровне вторичной, а не первичной или третичной профилактики.

Были изучены три ключевые сферы² данного этапа профилактики: юридическая, правоохранительная и социальная. В зависимости от набора полномочий и функций, а также от природы каждой из этих трех сфер выделяются конкретные стратегии и логика действий, которые иногда вступают друг с другом в противоречия. Это представляется особенно важным, поскольку женщина, пережившая насилие, будет иметь дело со всеми тремя сферами, решив подать заявление в полицию.

Цель настоящей работы — изучить и проанализировать дискурс, меры реагирования и полученные результаты по каждой из этих сфер в отношении профилактики, чтобы тем самым выявить точки соприкосновения и противоречий. Работа над последними в дальнейшем ляжет в основу новых скоординированных стратегий, которые позволят женщине (в случаях, когда это возможно) незамедлительно начать процесс реабилитации и расширения прав. В этих целях мы провели качественное исследование в период с апреля по июль 2016 г. в городах Сарагоса и Мадрид. Эмпирическую базу исследования составили 12 полуструктурированных интервью различных сторон для каждой из изученных сфер. Также была сформирована выборка мнений на основе научных и деловых встреч.

В ходе исследования учитывались такие критерии, как необходимость получить данные у сотрудников судебных и правоохранительных органов, социальных

¹ Закон, характерный для системы права в Испании. Принимается в специальном порядке по прямому предписанию конституции, а потому занимает пограничное положение между конституционными и обычными законами. — *Примеч. пер. Далее в неоговоренных случаях примечания принадлежат автору.*

² В настоящей работе под термином «сфера» понимается структура, состоящая из взаимосвязанных субъектов, ресурсов и стратегий.

работников, заслушать показания потерпевших³. Кроме того, мы стремились принимать во внимание сведения и статистические данные, собираемые и обновляемые различными учреждениями на национальном уровне, а также уровнях автономных областей и органов местного самоуправления.

Концептуальные рамки. Гендерное насилие и профилактика

В Испании в соответствии со статьей 1 ОЗ 1/2004 под гендерным насилием понимается насилие в отношении женщины со стороны нынешнего или бывшего супруга или другого лица, с которым ее объединяют аналогичные отношения, хотя совместно они не проживают. В настоящем исследовании мы будем придерживаться данного законодательно закрепленного определения, хотя, принимая во внимание современную действительность, нам представляется более целесообразным применение более широкого подхода, предусмотренного Стамбульской конвенцией (2011).

В Испании насилие в отношении женщин признается социальной проблемой. Согласно VII ежегодному отчету Национального наблюдательного совета по проблемам насилия в отношении женщин за 2015 г., в 2013 г. общее число женщин, погибших от гендерного насилия, составило 54, а в совокупности за период с 2003 по 2013 гг. достигло 712. При этом 56,2% жертв были убиты своим нынешним или бывшим партнером⁴. С учетом ужасающих последствий насилия в отношении женщин были разработаны стратегии, которые преимущественно приняли формы мер реагирования и услуг для переживших насилие жертв. Вследствие этого стратегии первичной профилактики, требующие ресурсов и не гарантирующие быстрых результатов, ушли на задний план.

В настоящем исследовании мы опирались на концептуальное различие возможных уровней профилактики, предложенных Д. Капланом в сфере общественного здравоохранения [Caplan, 1964]. Подразумевая под профилактикой стратегии, нацеленные на сокращение связанных с конкретной ситуацией факторов риска, он различает первичный, вторичный и третичный уровни профилактики. *Первичная* профилактика нацелена на сокращение числа случаев насилия, избежание возникновения ситуации риска или конфликта; *вторичная* профилактика нацелена на сокращение масштабов распространения конфликта, а также его выявление с целью пресечения на ранней стадии развития посредством соответствующих стратегий; *третичная* профилактика направлена на смягчение последствий произошедшего конфликта и обеспечение мер, необходимых для сдерживания, смягчения и ликвидации конфликта.

Как отметил М. Кальво Гарсиа, правовая реформа позволила достичь значительных успехов, однако полное искоренение гендерного насилия и его причин требует от нас еще одного шага: широко распахнуть двери женщинам, на уровне политики коренным образом преобразовав социальные отношения, а также ис-

³ Более подробная информация приводится в Приложении 1 с соответствующими личными карточками респондентов.

⁴ Последние данные о числе женщин, погибших от гендерного насилия: 2014 г. — 54 погибших женщин (п. ж.); 2015 г. — 60 п. ж.; 2016 г. — 44 п. ж.; на 21 февраля 2017 г. — 14 п. ж. Общее число женщин, убитых своими нынешними или бывшими партнерами в период с 2003 г., — 885. Источник: Министерство здравоохранения, социальных служб и равноправия.

коренив дискриминацию и дисбаланс сил, подпитывающие гендерное насилие [Calvo García, 2016].

В этом смысле содержание ОЗ 1/2004 с очевидной претензией на всеобъемлющий характер охватывает многочисленные сферы жизни: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, оказание помощи жертвам, восстановление справедливости, а также, в частности, обеспечение безопасности — и, согласно Национальному плану просветительской деятельности и предотвращения гендерного насилия, включает в себя положения Д. Каплана, выделяющего три уровня профилактики.

Первичный уровень — меры, разработанные и применяемые еще до развития конфликта с целью предотвращения насилия. Речь идет о подходе стратегического характера, направленном на искоренение насилия против женщин и девочек. Этот уровень профилактики предполагает работу в ряде соответствующих секторов (образование, здравоохранение, правосудие, рынок, СМИ) с целью обеспечения изменений на уровне институтов и общества и успешной реализации мер, направленных на конкретные группы и население в целом.

Вторичный уровень применяется в случае возникновения конфликта и включает в себя все меры, направленные на первичное реагирование после совершения насилия, например оказание всесторонней помощи жертве насилия (в том числе первая или неотложная медицинская помощь) с целью сократить негативные последствия для здоровья, а также меры защиты и контроля, размещение в специализированных центрах. Эти меры могут выполнять различные функции в зависимости от того, было ли подано заявление в полицию, живет ли жертва совместно с агрессором, имеются ли у пары дети.

Этот уровень профилактики связан с факторами риска, которые устанавливаются в ходе расследования и применения практик с задействованием механизмов вмешательства, направленных на вовлеченных в ситуацию насилия лиц. Раннее выявление и последующее вмешательство в ситуацию риска, осуществляемое специалистами социальной, правоохранительной и судебной сфер, способствуют смягчению последствий отдельных факторов риска.

Как отмечала Л. Хейз, чрезвычайно важно, чтобы на этом уровне профилактики стратегии и программы разрабатывались и применялись в соответствии с экологической моделью [Heise, 1998]. Это означает, что факторы риска на индивидуальном уровне рассматриваются в сочетании с существующими факторами риска внутри отношений в паре, семье и сообщества, а также факторами риска на уровне институтов, что позволяет оценить вероятность насилия в отношении женщины в конкретной ситуации. Упор на экологическую модель нацелен на то, чтобы меры отражали и учитывали существующие условия на самых разных уровнях.

Третичный уровень — меры, нацеленные на предотвращение повторных случаев насилия и смягчение последствий через оказание долгосрочного ухода после актов насилия, в частности размещение в приютах, оказание психологической помощи пострадавшим женщинам, реабилитация лиц, совершивших насилие. Сотрудниками предусматриваются механизмы обеспечения судебной защиты жертвы насилия, которая признается потерпевшей во всех смыслах. Характер этих механизмов зависит от наличия ресурсов и инструментов социализации,

способствующих возвращению к нормальной жизни пострадавших женщин: благодаря этим стратегиям они могут восстановить целостность личности. Эти меры оказывают положительное влияние на дальнейший ход профилактики, цель которой — предотвратить воспроизведение модели подчиненного поведения в других отношениях и передачу этой модели поведения от родителей детям.

Участники процесса

В рамках настоящей работы было принято решение предоставить слово ключевым лицам в различных сферах на уровне вторичной профилактики. Это позволит проанализировать их точку зрения и переосмыслить ее с учетом сходств и различий на основе моделей или идей, понятий, на которые эти лица опираются в работе, а также разрабатываемых ими стратегий и результатов их работы.

Дискурс сотрудников полиции

Отмечается определенный консенсус в отношении работы, которая осуществляется силами и органами безопасности в борьбе с гендерным насилием, как среди жертв, обращающихся с заявлениями в полицию, так и среди опрошенных сотрудников [González, Garrido, 2015].

Сотрудники полиции осознают, что после программы 1995 г.⁵ не только стратегии, но и имидж самой полиции среди граждан неизбежно изменился. Эти изменения стали возможны благодаря важному процессу повышения осведомленности общественности о проблеме, а также профессиональной подготовке и повышению ответственности лиц, занимающихся вопросами гендерного насилия.

Сегодня Отделы по делам женщин и несовершеннолетних Гражданской гвардии⁶ (EMUME) и Подразделение по делам семьи и женщин Национальной полиции⁷ (UFAM) играют основополагающую роль не только потому, что на самых ранних этапах оказывают помощь женщинам, ставшим жертвами гендерного насилия, а эта помощь предполагает сдерживание конфликта, консультирование и защиту жертв, но и в связи с проводимой работой в области первичного предотвращения насилия; среди прочего это представляет собой часть плана действий Министерства в данной сфере. *«Нам пришлось сбросить с себя всяческие стереотипы: до сих пор людям нелегко в это поверить, но сейчас Гражданская гвардия совсем не та, что была раньше. После принятия нового закона мы предприняли огромные усилия, поскольку эта проблема нас беспокоит, беспокоит всех нас»,* — говорит Хосе Луис Санс (Е6).

Отделы EMUME Гражданской гвардии на уровне провинций осуществляют борьбу с гендерным насилием в сельской местности. Принимая во внимание

⁵ В 1995 г. Главное управление Гражданской гвардии при поддержке бывшего главного управления Службы судебной полиции разработало и запустило специальную программу, направленную на более эффективную борьбу с преступлениями против женщин и несовершеннолетних.

⁶ Полицейское военизированное формирование в подчинении Министерства внутренних дел Испании. Выполняет полицейские функции по охране правопорядка, однако, в отличие от Национальной полиции Испании, действует преимущественно за пределами городов. Осуществляет контроль оборота оружия и взрывчатых веществ, контрабанды, путей сообщений, регулирование портов и аэропортов, охрану окружающей среды. — *Примеч. пер.*

⁷ Наряду с Гражданской гвардией Испании выполняет функции по охране правопорядка. В зону ответственности входят крупные города; в числе компетенций — контроль миграционных органов, выдача удостоверительных документов, решение вопросов частной безопасности. — *Примеч. пер.*

особенности насилия в этих районах, ответственный за работу EMUME в провинции Сарагоса объясняет: «Нередко нам приходится действовать по собственной инициативе. Бывают случаи, когда мы узнаем, что женщина не может подать жалобу на своего супруга, потому что проживает в очень маленьком населенном пункте, где все друг друга знают. Разумеется, мы пытаемся вовлечь женщину в процесс, предлагаем помощь» (Е6). Точка зрения полицейских доказывает важность выделения большего объема ресурсов на социальные услуги, «необходимо найти для женщин другой путь решения проблемы помимо подачи заявления в полицию» (Е6).

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов требуют более эффективного сотрудничества с другими сферами, потому что проблема гендерного насилия должна касаться не только Министерства здравоохранения, социальных услуг и равенства: «...Это политическая и общественная проблема, которую нужно рассматривать в разных плоскостях, чтобы ею занимались как Министерство юстиции, так и Министерство внутренних дел» (Е12).

На уровне теоретического дискурса ясно, что участники процесса осознают важность составления качественных протоколов, поскольку они могут быть очень полезны судье. На практике это все еще остается на уровне запроса со стороны судебной системы, и этот запрос пока не удовлетворен. При этом претензии направлены сразу в адрес нескольких участников процесса: полиция выступает за то, чтобы была задействована система здравоохранения.

Практически невозможно добиться, чтобы врачи помогали нам составлять отчеты, они не хотят сотрудничать, даже когда речь идет об очень серьезных случаях, они не хотят неприятностей, и плюс ко всему — существует еще и право на неприкосновенность частной жизни. (Е6)

С другой стороны, даже сейчас, спустя десять лет после принятия ОЗ 1/2004, среди запросов полицейских — необходимость дальнейшего обучения в области гендерных вопросов, особенно гендерного насилия. То, что сейчас женщин призывают заявлять о насилии, «накладывает на нас еще большую ответственность, и именно на нас смотрит общество, когда происходит очередная смерть по причине насилия со стороны мужчин» (Е6).

Обеспокоенность, связанная с «ответственностью», которая возлагается на правоохранительные органы в случае насилия в отношении женщин, возрастает, если мы добавим к этому уравнению Систему комплексного отслеживания случаев насилия против женщин (далее — *VioGén*⁸). Она была запущена в 2007 г. Государственным секретариатом по вопросам безопасности при Министерстве внутренних дел. Система накладывает дополнительную ответственность на сотрудников полиции, принимающих заявления. Несмотря на то, что речь идет о компьютерной программе с заранее разработанными вопросами и вариантами ответа, именно полицейские определяют степень риска, которому подвергается подающая заявление о гендерном насилии женщина и в соответствии с которым будет выбрана та или иная стратегия защиты.

⁸ Сокращение от испаноязычного оригинала *violencia de género* («гендерное насилие»). — *Примеч. пер.*

VioGén стремится объединить все государственные учреждения, ответственные за вопросы насилия в отношении женщин, собрать в одном месте всю информацию и создать таким образом сеть для мониторинга женщин и детей, пострадавших от бытового насилия, а также для их защиты⁹. На данный момент сбором информации, определением уровня риска и применением соответствующих мер занимаются Национальная полиция и Гражданская гвардия. За последние несколько лет VioGén продвинулась в области интегрирования социальных служб в единую систему, что позволяет быстрее обращаться к данным и определять уровень риска:

Это начинание явно направлено на то, чтобы упростить процесс принятия решения по заявлению: если женщина не уверена, подавать ли ей заявление, она может обратиться в социальные службы, где у нее будет возможность все взвесить, приобрести уверенность в себе и прояснить ситуацию. Надеемся, что эта система поможет. (E1)

Система VioGén подвергается разного рода критике, которая, как правило, исходит от судебной и социальной сфер. С одной стороны, речь идет о заранее разработанных вопросах с закрытыми ответами — женщина может ответить только «Да» или «Нет», это вопросы, которые в теории отражают факторы риска. Такая система не позволяет вникнуть в детали каждого конкретного случая: она рассматривает конкретный момент, основывается на концепции статического риска и в определенной степени продолжает придерживаться парадигмы «опасности» (в центре которой стоит мужчина как правонарушитель), а не парадигмы «риска» (которая подразумевала бы оценку риска с точки зрения самой женщины).

Критика связана еще и с тем, «...в какой форме проходит опрос. Проблема не столько в вопросах, сколько в том, кто и как их задает» (E1). Несмотря на то, что предусмотрен специальный раздел, в котором сотрудник полиции может изложить свою субъективную оценку ситуации, это практикуется редко. Полицейские — по большей части из-за ответственности, которая на них возлагается в этом случае, — ограничиваются лишь заранее разработанными вопросами и назначают ситуации тот уровень риска, который рассчитала программа. Хотя результаты такого анализа риска априори считаются объективными, каждый раз, когда становится известно об очередном убийстве, уровень определяемого риска начинает расти.

Я думаю, они не воспринимают это всерьез и искренне не сочувствуют, и если твоей ситуации назначают высокий уровень риска, так это потому, что никто не хочет быть ответственным за очередное убийство, которое покажут по новостям. (E2)

Тот факт, что определенные стратегии зависят от воли полицейского, явно обуславливает результаты.

⁹ Некоторые цели изложены на сайте Министерства внутренних дел. См.: Sistema VioGén. Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/web/servicios-al-ciudadano/violencia-contra-la-mujer/sistema-viogen> (дата обращения: 20.08.2020). (In Spanish).

Мы уже знаем, что есть судьи, к которым лучше не попадаться, или полицейские участки, в которые не хотелось бы идти, потому что дежурный полицейский тебе не верит или просто потому что он хам. Тогда мы советуемся друг с другом и решаем, что, если мне нужно подать заявление, я тогда лучше пойду в это отделение, а не в то. (Е8)

Дискурс участников процесса со стороны юридической сферы

Участники со стороны юридической/судебной сферы знают, что существует критика в отношении того, с чем приходится сталкиваться жертвам гендерного насилия, когда они начинают судебный процесс. И действительно, некоторые авторы уже исследовали этот вопрос, используя термин *двойная, или вторичная виктимизация* [Larrauri, 2009; Bodelón, 2013]. В некоторых случаях женщины, которые решаются подать заявление, страдают от очередной виктимизации — продукта существующих препятствий и «автоматических решений» [Ortubay, 2015]. Эти факторы, помимо всего прочего, усложняют применение ОЗ 1/2004 к каждому конкретному случаю, заставляют женщину давать определенные ответы и принимать вынужденные решения, требуют последовательности в ее рассказе, а также ставят ее под подозрение во время процесса.

В судах женщины сталкиваются со множеством преград, и, возможно, именно по этой причине многие не решаются подать заявление; если они и принимают такое решение, то в конце концов заявление забирают. По мнению одной участницы нашего исследования, сотрудницы прокуратуры по борьбе с насилием в отношении женщин, «женщины не помогают в расследовании» (Е10). И действительно, зачастую женщины не находят ни защиты, ни понимания в судебной системе, и даже наоборот. Постоянные жалобы на такие ситуации — о чем часто рассказывают назначенные адвокаты, — помогли раскрыть глаза на происходящее. Поэтому необходимо провести теоретический анализ и еще раз посмотреть, что на самом деле происходит во время судебного процесса.

Назначенные адвокаты в этом процессе играют очень важную роль. Именно они должны сопровождать женщину и помогать ей. «Мы оказываем не столько юридическую помощь, сколько психологическую» (Е11), — адвокаты часто повторяют подобные высказывания, и это свидетельствует о важности понимания того, кто и как должен сопровождать жертв насилия. Опыт каждой потерпевшей и даже конечный результат процесса может существенно измениться, если назначенный адвокат специализируется на конкретном виде насилия и с должной чуткостью относится к каждому отдельному случаю.

Как упоминалось в работе Р. Штробля, чтобы сообщить о виктимизации полномочным органам — будь то во время подачи заявления в отделениях полиции или во время дачи показаний судье, — необходимо выстроить определенный дискурс [Strobl, 2004]. Таким образом от жертв требуется «умение» рассказывать в особенно трудный для них момент.

Зачастую женщины пребывают в состоянии шока и не помнят точную хронологию событий, другие — пожилые женщины, и им стыдно повторять некоторые слова, есть иммигрантки, и они не могут подобрать правильные эмоционально окрашенные слова, которые могли бы стать решающими. (Е11)

Если дежурный адвокат умеет восстановить последовательность событий и помочь составить рассказ, судья может проникнуться к конкретному случаю и принять соответствующие меры.

Очень часто выдадут тебе постановление о защите или нет — зависит именно от того, какими словами написаны заявление и протокол. (Е3)

В проанализированных высказываниях тема постановлений о защите поднимается особенно часто. Статистические данные могут вызвать споры¹⁰, поскольку количество выданных постановлений и отказов в выдаче существенно различаются в зависимости от автономного сообщества и судебного округа.

Мы сталкивались с обеими крайностями: бывало, что удовлетворяли 85 %—90 % запросов на выдачу постановлений, сейчас мы находимся где-то посередине, но есть судебные округа в Каталонии, в которых удовлетворяется лишь 30 % запросов. Это возмутительно! (Е3)

Существует множество предположений, почему кому-то выдают постановления, а кому-то нет — очевидно, здесь необходим глубокий анализ. Тем не менее внутри судебной системы можно было бы выделить одно расхожее мнение: «Судьи им не верят». «Они не очень сговорчивые, потому что думают, что некоторые женщины подают заявления, чтобы получить экономические, социальные и другие выгоды. Они сейчас очень подробно анализируют каждый случай, уже знают, какие фильтры использовать, они видят женщин насквозь», — заявила адвокат (Е11), и похожие мнения высказывают другие участники исследования.

Этот факт не может не беспокоить. Корни данной проблемы уходят в существующие сексистские стереотипы, которые являются продуктом глубоко патриархальной пенитенциарной системы, в рамках которой женщины, с одной стороны, представляются слабыми и зависимыми, а с другой стороны — коварными и корыстными. Такие стереотипы вредят не только женщинам, но и всему обществу, укореняя негативные мифы о женщинах, такие как мифы о «ложных заявлениях»¹¹.

Как правильно заметили Э. Боделон и Т. Питч, нельзя отрицать существование «ложных заявлений» и случаев, когда женщина пишет заявление на своего бывшего или нынешнего партнера, чтобы получить определенные «привилегии», предусмотренные для жертв насилия в соответствии с ОЗ 1/2004. Однако это не должно влиять на отношение ко всем остальным случаям: женщины не должны чувствовать себя виноватыми или подпадать под подозрения [Bodelón, 2008; Pitch, 2009].

Если бы я тогда знала, чего мне это будет стоить, я бы никогда не подала это заявление. (Е8)

¹⁰ См., например: Observatorio Contra la Violencia Doméstica y de Género: Recopilatorio de Conocimiento sobre Violencia de Género. URL: <https://observatorioviolencia.org/> (дата обращения: 26.08.2020).

¹¹ По данным ежегодного отчета Генерального судебного совета (CGPJ), на 2015 г. только 0,4 % всех заявлений о гендерном насилии были ложными.

Такие настроения выразили несколько потерпевших. Это доказывает существование двойной виктимизации, от которой иногда страдают решившие начать судебный процесс женщины. Именно это может быть причиной тревожного количества потерпевших, которые через какое-то время решают прекратить процесс, отказываясь от обвинений и прибегая к противоречивой статье 416 Закона об уголовном судопроизводстве¹².

Глава прокуратуры по борьбе с насилием в отношении женщин уверенно утверждает следующее: «Мы их бросаем в одиночестве, и для некоторых женщин это настоящее мучение, поэтому они решают больше не сотрудничать со следствием. В результате мы имеем значительное количество оправдательных приговоров и случаев прекращения рассмотрения дела за истечением сроков давности» (Е10).

То обстоятельство, что женщина является основным субъектом доказывания произошедшего, не способствует сокращению этих показателей. Почему-то, имея возможность использовать другие источники доказательств, мы «перегружаем» женщину, которая и так в этой ситуации особо уязвима. Для того чтобы облегчить ее груз, привлекаются и другие участники: полицейские, которые составляют протокол, родственники или свидетели, — все они также могли бы предоставить доказательства. Однако, по мнению представителей судебной системы, этого не происходит. Полицейские протоколы недостаточно подробны, общество в принципе не берется участвовать в процессе, из-за чего остаются лишь два источника доказательств: судебно-медицинская экспертиза и сама жертва.

На сегодняшний день судьи не выносят обвинительного приговора, если отчет судеэксперта не слишком преувеличен (а ведь нужно учесть сложность определения нанесенного психологического ущерба) или женщина сама не дает обвинительных показаний. (Е3)

Именно поэтому сотрудничество участников процесса из всех сфер очень важно. «Качественные протоколы значительно упрощают работу судьи» (Е6), отчеты социальных работников также могли бы быть очень полезны, но судьи все еще неохотно прислушиваются к мнению других. Примером этого может служить определение риска. Чтобы выдать постановление о защите, судьи должны оценить, существует ли реальная ситуация риска для женщины. По мнению участников исследования, при принятии решения судьи зачастую не используют полицейские опросы оценки риска (а полицейские, в свою очередь, не учитывают отчеты социальных работников, если такие вообще существуют), а прибегают к ряду параметров (например, отрезок времени между произошедшим и подачей заявления, биография, место проживания сторон конфликта и, конечно, рассказ жертвы), которые, по их мнению, определяют риск в зависимости от того, идет речь о единичном случае или о «повторяющейся истории» (Е9).

В частности, среди представителей юридической сферы наблюдается единогласие в отношении того, насколько незначительную роль играет опрос оценки риска, который проводят полицейские, когда женщина подает заявление против своего

¹² Речь идет о праве женщины отказаться от дачи показаний против своего партнера. Прокуратура просит упразднить или изменить эту статью. Вокруг этой темы очень много споров.

бывшего или нынешнего партнера, и насколько мало от него пользы. Критика со стороны участников судебного процесса основывается на том, что сложно определить риск в законодательных рамках.

Я думаю, эта система никуда не годится, она абсолютно не работает, потому что если вы спросите судей (а именно они и будут принимать решение), какую ценность для них имеет этот опрос, они ответят — остаточную. (Е3)

Теоретически в судебной системе наблюдается необходимость различать разные типы дел, насильственных действий и психологических портретов. По словам одного из опрошенных, «одна из самых серьезных проблем заключается в женщинах, которые подают на мужей в суд, чтобы преподать им урок. А что происходит на деле? Уголовный кодекс служит для наказания, а не для таких уроков» (Е3). Непосредственные или долгосрочные последствия подачи заявления (например, ночь в тюрьме для супруга или бывшего супруга, или судебный запрет на приближение) часто заставляют женщин отказаться от этой идеи. Некоторые из них, несмотря на заявление, знают, что должны поддерживать связь с супругом из-за детей или ипотеки, поэтому думают, что запрет на общение не принесет ничего хорошего. В связи с этим некоторые судьи-специалисты выступают за более гибкую систему применения наказаний, то есть такую, при которой решение остается за судьей, выслушавшим жертву и в зависимости от ситуации применяющим те или иные меры. На сегодняшний день такой практики не существует, наказание за гендерное насилие автоматически влечет за собой запрет на общение.

Если в теории в судебной системе предлагается разграничивать разные типы дел, то на практике на этот счет высказываются критические мнения, поскольку никакого разграничения не происходит — как рассмотрение дел, так и приговоры зачастую мало чем отличаются друг от друга.

Это напоминает копировальный аппарат, никаких различий нет, судьи не принимают во внимание особенности каждого отдельного дела, скоротечные судебные процессы похожи на представление, в котором каждый играет свою роль, и в результате разные процессы заканчиваются примерно одинаково. Понятно, что суды, рассматривающие дела о гендерном насилии катастрофически перегружены, но такой подход никому не принесет пользы. (Е5)

И социальные службы, и ассоциации женщин — жертв домашнего насилия осуждают существование отложенных наказаний, а также альтернативных наказаний, таких как общественные работы, которые не выполняются: иногда потому что их негде выполнять, иногда потому что пока решается, где они будут выполняться, срок действия судебного решения истекает, а иногда «потому что адвокат виновного посоветовал ему ближайший год не отвечать на телефонные звонки» (Е2).

Дискурс сотрудников социальных служб

В процессе анализа нельзя не обратить внимания на дискурс в социальной сфере. Возможно, это именно та сфера, представители которой (по крайней мере

на уровне обсуждений) открыто расходятся во мнении с представителями двух других из-за ее природы, а также из-за характера анализируемой проблемы. По некоторым вопросам дискурс в социальной сфере исторически отличался от полицейского или судебного дискурса, несмотря на все усилия, направленные на то, чтобы рассматривать гендерное насилие как общую проблему, расхождения проявились и здесь, что препятствует эффективной работе законов, политических инициатив или программ, разработанных для борьбы с этой проблемой.

В дискурсе сотрудников социальной сферы снова и снова поднимается тема трудностей, возникающих в процессе сотрудничества различных институтов (полиции, судов, социальных служб).

У нас существуют проблемы с вовлечением в процесс представителей сферы образования, ее представители не считают образование ключевым фактором в решении проблемы, однако для нас образование — это путь к предотвращению подобных действий. (E1)

Эти трудности могут появляться из-за концептуальных различий в понимании основных терминов, таких как «риск», «насилие», «предотвращение» и «защита». В социальном дискурсе эти понятия рассматриваются более масштабно, что предполагает многостороннюю работу.

На сегодняшний день стратегии должны быть комплексными, не нужно (и неэффективно) организовывать отдельный курс по борьбе с гендерным насилием. Необходима пошаговая работа, в которой гендерный вопрос учитывался бы в каждом решении и в любой деятельности. (E7)

Сотрудницы социальных служб считают, что таким образом можно выявлять и предотвращать новые случаи насилия. Они отстаивают необходимость изучать ситуацию, чтобы воспринимать слова в контексте, только в этом случае можно по устному свидетельству оценить существующий уровень риска.

Слова о насилии порой могут принять за глупый комментарий, который априори останется незамеченным. (E5)

В отношении анкет по прогнозированию риска VioGén в социальной сфере присутствует такое же критическое отношение к этой проблеме, как и в судебной системе, но в его основе лежат иные аргументы:

Знаю, что это очень прогрессивная программа и что было приложено немало усилий, однако очень сложно, почти невозможно оценить риск гендерного насилия, основываясь на предполагаемой объективности в рамках информационной программы в конкретный момент. (E1)

Мы считаем, что рассказ самой жертвы, включающий свидетельства о предыдущих случаях насилия, является ключевой информацией при определении уровня риска;

единичные факты, на основе которых обличаются случаи гендерного насилия, иногда менее важны. (E5)

В дискурсе представителей социальной сферы риск рассматривается как более широкое понятие по сравнению с тем, как его видят в судебной системе. Так, считается, что постановление о запрете на приближение не снижает уровень риска, если женщина живет недалеко от семьи виновного; что в любой момент до, во время и после обвинения существует определенный уровень риска, и наряду с теми решениями, которые принимает женщина, наблюдается множество других факторов, составляющих риск вновь стать жертвой насилия или, в худшем случае, быть убитой.

Из сложностей в работе с правоохранительными органами вытекает требование, чтобы полиция получала отчеты, которые могут предложить социальные службы.

В теории у VioGén должны быть и другие источники доказательств при составлении анкет, но это не так, они никогда не спрашивают никого, кроме жертвы, а она из-за того, что находится в режиме выживания, иногда даже не осознает риска. (E1)

Не представляю, как можно определить риск, просто узнав ответы на 35 вопросов. (E5)

Социальные службы определяют уровень риска как результат меняющегося динамичного процесса нахождения рядом с женщиной в разное время. Поэтому у них есть определенные разногласия с тем, как трактуется и как применяется методика VioGén. Следуя логике определения риска и насилия как динамично меняющегося процесса, они выступают за идею, что обвинение должно быть уместным, своевременным и обоснованным. «Нельзя побуждать женщину подавать в суд, если она не знает, к чему это может привести» (E7). Женщина, оказавшаяся жертвой насилия, может прибегнуть к помощи социальных служб, не подавая заявлений, и сотрудники этих служб считают это крайне важным. Не во всех случаях нужно сразу заявление в суд, поэтому важно, чтобы защита необязательно была сопряжена с подачей заявления.

Часто звучат слова о необходимости сопереживать женщине, понимать, что произошло в каждом конкретном случае насилия, и уважать всех жертв.

Разве может судебное разбирательство проходить в дружелюбной атмосфере? С момента подачи заявления механизм запускается, обратной дороги нет, но иногда просто невозможно взять и запретить женщинам видеться с партнером, потому что они к этому не готовы, в таких случаях постановление о запрете на приближение нарушается через две недели. (E7)

По подсчетам Института по делам женщин Арагона, в восьми случаях из десяти запрет на приближение нарушается со стороны жертвы, и это показывает, что в случаях гендерного насилия желание возобновить отношения абсолютно нормально, поэтому необходимо помогать женщинам и предлагать им альтерна-

тивные варианты. Внутри социальной системы укрепилось мнение, что судебная защита должна использоваться лишь в крайнем случае.

Если женщина решает подавать в суд, роль социальной системы отнюдь не снижается — ее, напротив, следует укреплять. Программа психосоциальной поддержки жертв в Мадриде призвана, среди прочего, облегчить тревожное состояние женщин (в делах, на первый взгляд кажущихся незначительными, таких как предоставление ширмы, чтобы жертва могла избежать визуального контакта с обвиняемым, и прочих очевидных шагах, которые даются с трудом), помогать им в зависимости от их ситуации и быть рядом на начальной стадии, когда им приходится особенно тяжело — прежде всего здесь мы говорим о тех женщинах, которые не соответствуют канону *идеальной жертвы*. Опрошенные жертвы гендерного насилия сходятся во мнении, что внешние признаки (слезы, показная безропотность или даже одежда) могут определять степень доверия к пострадавшей, и предупреждают, что «жертвы насилия выглядят как самые обычные люди» (E2).

Обвинение самой жертвы уже обсуждалось экспертами в этой области, такими как М. Ортубай [Ortubay, 2015]. Вина и ответственность за произошедшее возлагаются в первую очередь на женщину, поэтому она обязана обратиться в суд и тем самым показать и даже убедить судебные органы, что ситуация, в которой она оказалась и которая вынудила ее обратиться в суд, имела место на самом деле.

Судьи проверяют жертв, но все мы знаем, что в состоянии шока человек с трудом может связно говорить, он путает времена, слова... (E2)

В таких «зонах напряженности» между различными сферами критика в адрес судебной системы очевидна: уголовная система наказывает женщину.

Прокуроры жалуются, что женщины «не помогают им», но как можно ждать помощи от самого уязвимого участника процесса? (E1)

Другой острый вопрос связан с возможностью применения процедуры по урегулированию споров в случаях гендерного насилия. Социальные службы, как правило, выступают решительно против урегулирования споров, поскольку гендерное насилие (в любых формах) воспринимается как связанное с проблемой неравенства. Оно возникает из-за подчиненного положения женщины, и никакое урегулирование здесь не применимо, ведь для разрешения спора нужно, чтобы обе стороны имели равное положение. Когда в судебной системе заявляют о разрешении споров, кажется, что они думают о другом понятии, типах и степени гендерного насилия.

Психологический портрет жертвы гендерного насилия также занимает важнейшее место для сотрудников социальной сферы, прежде всего из-за противоречий, которые подразумевает теоретическое желание «избежать» стереотипов, несмотря на то что на практике женщины, пользующиеся помощью социальных служб, обладают некоторыми схожими чертами. «Гендерное насилие является одним из бесчисленных видов насилия» (E5) для женщин с нестабильной работой, без

сильной поддержки за спиной, с детьми, о которых нужно заботиться, женщин, которые будут зависеть от социальных служб всю свою жизнь.

Иногда приходится разбираться в ситуациях отчуждения, которые корнями уходят в детство, и это нельзя сделать за три года (столько обычно длится программа), менее всего они обращают внимание на побои со стороны мужа. (Е5)

Эта информация имеет значение, если говорить о предупреждении насилия. Тот факт, что эти женщины смотрят на гендерное насилие как на «один из бесчисленных видов насилия», то есть воспринимают его как нечто не столь важное, может оказать влияние при оценке собственного риска, особенно если они считают, что «есть и более важные проблемы».

Что касается иммигранток, страдающих от гендерного насилия, Главное управление помощи жертвам гендерного насилия поддерживает тезис (за который выступают и разработчики VioGén), что данная группа составляет наибольшую долю от общего числа, так же как и группа мужчин-иммигрантов, виновных в гендерном насилии. Возможно, так происходит потому, что у этих женщин очень слабая поддержка, или же ее вовсе нет, и поэтому у них нет другого выбора, кроме как обращаться в социальные службы; возможно, они выходцы из стран «с более сильной дискриминацией женщин» (Е12) или, может быть, их случаи более широко известны. Суть в том, что *«как в социальных службах, так и в судах иммигранты составляют подавляющее большинство жертв и виновных» (Е12).*

В дискурсе социальных служб отчетливо звучит необходимость анализировать все ситуации с использованием межотраслевого подхода, направленного на женщин с учетом разных факторов, не ограничиваясь гендерным. В связи с этим вспомним слова Э. Симингтон о том, что «межотраслевой анализ направлен на обнаружение разных идентичностей и исследование разных типов дискриминации и недостатков, появляющихся в результате комбинации идентичностей» [Symington, 2004: 2]. Речь идет не о подсчете всех неравенств, а о том, чтобы понять, что женщина оказывается в необычной ситуации, отличающейся от остальных, из-за совокупности определенных факторов, получая при этом совсем иной опыт. Это очень важно в процессе анализа насилия над женщинами, актуально не только при рассмотрении каждого конкретного случая, а также при разработке более эффективных стратегий предупреждения и реагирования, в которых учитываются такие условия, как сельский уклад жизни, возраст, этническая принадлежность или условия, связанные с обстоятельствами иммиграции, а также совокупность этих условий, что, в общем-то, и составляет идентичность конкретной женщины.

Дискурс представителей социальной сферы показывает, что они говорят о вещах, которые не упоминаются в других сферах при обсуждении этой темы, таких как давление со стороны родственников, ситуация с детьми, дом и домашние животные.

Сотрудники социальных служб выражают обеспокоенность краткосрочным подходом и недостаточным уровнем реагирования. *«Финансовая помощь крайне мала, и «начать сначала» иногда оказывается так трудно, что человек может оказаться в рискованном положении, в котором возвращение к партнеру кажется*

путем к спасению» (Е5). Точно так же женщина может начать новые отношения с мужчиной, который похож на ее обидчика, и они будут неравными, поскольку женщина вновь окажется в подчинении, таким образом, начав новые нездоровые отношения.

Еще одно опасение, которое неоднократно выражали социальные службы и которое не рассматривается в двух других исследованных сферах, связано с очень противоречивой проблемой — опекой над детьми.

Центры, где организуются встречи детей с одним из родителей, представляют серьезную опасность. Они находятся в безлюдных местах или неблагополучных районах. Это единственное место, где мы «заставляем» женщин ставить себя в уязвимое положение, рисковать собой и быть на виду. Я даже осмелюсь сказать, что нужно переосмыслить сам вопрос опеки: мужчина, который избивает мать своих детей, не может быть хорошим отцом. (Е5)

Наконец, необходимо отметить, что в социальном дискурсе обсуждаются и *новые* опасения, такие как рост насилия среди молодежи, новые виды насилия (контроль с помощью мобильного телефона, травля в социальных сетях), роль средств массовой информации как в предотвращении, так и в рассмотрении случаев насилия, а также опасения, связанные с созданием и воспроизведением дискурса о романтической любви и гендерных ролях.

Выводы

В настоящей работе рассмотрен вопрос вторичной профилактики гендерного насилия. В этой сфере предстоит сделать еще многое: в первую очередь в отношении оценки рисков и управления ими. Стратегии профилактики обусловлены, с одной стороны, отведенными на этот вопрос экономическими ресурсами — на практике это означает, что бюджет постоянно сокращается. С другой стороны, стратегии обусловлены людскими ресурсами, под которыми понимается совокупность субъектов, занятых в разработке и осуществлении стратегий профилактики. Они создают сеть из деятелей и учреждений, которые действуют и взаимодействуют между собой исходя из своей собственной логики и динамики.

Три сферы исследования (юридическая, правоохранительная и социальная) выступают как автономные и независимые структуры. Они обладают различными характеристиками и функциями и работают в определенные моменты и в конкретных ситуациях, в соответствии со сложившимися в каждой сфере теоретическими предположениями. Наблюдается явная разобщенность между этими сферами, которая, вероятно, обусловлена различием во внутренней логике и динамике каждой из них, а также политическими и логистическими вопросами. Подобная нехватка связей и сотрудничества между учреждениями проявляется наиболее ощутимо в случаях координации учреждений различных уровней: местного, регионального и государственного, или же координации федерального центра и некоторых автономных сообществ: к примеру, Каталонии или Страны Басков.

Существуют различные мнения по таким основным вопросам, как статья 416 Закона об уголовном судопроизводстве, прекращение рассмотрения дел, запре-

тительные судебные приказы и даже целесообразность заявления о насилии, а также как и когда следует сообщать о нем. Это не является проблемой как таковой в зависимости от роли и степени ответственности каждого лица, так как предполагается, что мнения могут различаться. Однако эти различия в мнениях и в логике действий иногда выливаются в болезненную процедуру для женщины, которая в итоге страдает вдвойне.

Было отмечено использование разных критериев при рассмотрении дел, связанных с гендерным насилием, а также в различных процедурах и протоколах, которые иногда противоречат друг другу. Расхождения существуют не только по вопросу о том, что считается гендерным насилием, и о том, как подходить к каждому конкретному делу, но также и в определении еще одного ключевого понятия — понятия риска. Актуальность вопроса об обозначении основных понятий, таких как риск, обусловлена тем, что *уровень риска*, который «присваивается ситуации, в которой оказывается женщина», связан с конкретными действиями учреждений: полиции, судебных органов и социальных служб. Ситуация, в которой такие действия сильно разнятся между собой, создает неблагоприятные условия для женщин.

Представители системы VioGén выступили с инициативой включить в закон положение о внедрении в систему прочих субъектов (в первую очередь социальных, хотя другие учреждения — пенитенциарные, медицинские, судебные — также должны принимать участие), как и планировалось девять лет назад. Вероятно, это поможет сгладить некоторые из таких «расхождений». Если представитель правоохранительных органов, оценивающий уровень риска для определенной женщины, будет опираться на социальные отчеты по ее делу, которые могут содержать новые сведения или другую точку зрения, это может способствовать более эффективному рассмотрению дел. Иными словами, для наиболее эффективного урегулирования дел следует прислушиваться к голосам жертв, принимать во внимание конкретные обстоятельства каждого дела и учитывать в последующих действиях гендерную точку зрения, в соответствии с которой женщине, ее роли и ее отношениям с другими участниками отводится центральное место в анализе.

Целью настоящей работы не является бесконечное повторение уже сказанного, и поэтому следует лишь кратко отметить, что законам без бюджета суждено остаться на бумаге. Отсутствие коммуникации и координации между системами — это не просто вопрос понятий и воли, но также и экономический вопрос. Многие из того, что препятствует надлежащему функционированию систем (как внутри учреждений, так и между ними) является прямым или косвенным результатом нехватки ресурсов.

Также были отмечены некоторые общие векторы в рассмотренном дискурсе. Во-первых, следует упомянуть один из общих элементов, который встречается в разных сферах: *образ идеальной жертвы*. Несмотря на борьбу со стереотипами как о женщинах-жертвах, так и о мужчинах-насильниках, в разработке стратегий и на практике по-прежнему фигурирует образ *идеальной жертвы*. Когда женщина соответствует этому шаблону, система принимает и поддерживает ее, но когда она выходит за рамки традиционных представлений о жертвах (к примеру, потому что она выражает гнев, а не покорность, не помнит произошедшее в деталях, носит брендовую одежду или не хочет уходить от своего партнера), система не функ-

ционирует надлежащим образом, необходимые меры не применяются, стратегии не работают, и женщина снова вынуждена страдать.

Еще один вопрос, по которому существует консенсус среди различных секторов, — это участие системы здравоохранения в борьбе с гендерным насилием. Существуют различные предположения о том, почему врачи и медсестры не делают должного вклада в предотвращение насилия: предписания этического кодекса, решение поставить на первое место конфиденциальность пациентки, нехватка знаний для выявления признаков насилия или отсутствие заинтересованности. Силы и органы безопасности, судьи и социальные работники сходятся в том, что врачу доступна ясная информация о жертве, и поэтому он способен выявить возможные случаи жестокого обращения и предотвратить их. Многие женщины не обращаются к системе (социальной, правоохранительной, юридической) из-за страха или стыда, из-за того, что не считают себя жертвами или не понимают, что им угрожает опасность. Однако они обращаются к врачу с различными жалобами, и именно здесь требуется вмешательство со стороны системы здравоохранения.

Невозможно рассматривать этот вопрос вне более широкого контекста: противоречие и конфликт между отдельными правами личности (на свободу, безопасность, конфиденциальность, жизнь), который возникает в связи с такими непростыми явлениями, как гендерное насилие. Как защитить одно право, не нарушив другого? Это действительно извечный вопрос.

Наконец, существует еще одна общая нить в рассматриваемом дискурсе. Она относится к ключевой роли социальных служб в борьбе с насилием. Другие сферы также должны принимать активное участие и брать на себя обязательства, но наблюдается явный консенсус по вопросу о роли и ценности социальной сферы. Тем не менее нельзя допускать чрезмерной нагрузки: «Возложение чрезмерной нагрузки на работников этого сектора приводит к недовольству и затрудняет достижение желаемых результатов» (Е 5).

Список литературы (References)

Bodelón E. (2008) La Violencia Contra las Mujeres y el Derecho no Androcéntrico. In: Lorenzo P., Maqueda M. L., Rubio A. (eds.) *Género, Violencia y Derecho*. Valencia: Tirant lo Blanch. P. 275—299. (In Spanish).

Bodelón E. (2013) Violencia de Género y las Respuestas de los Sistemas Penales. Barcelona: Didot. (In Spanish).

Calvo García M. (2006) Análisis Socio-Jurídico de la ley Orgánica de Medidas de Protección Integral Contra la Violencia de Género. *Trabajo: Revista Andaluza de Relaciones Laborales*. No. 17. P. 105—131. (In Spanish).

Calvo García M. (2016) The Role of Social Movements in the Recognition of Gender Violence as a Violation of Human Rights: from Legal Reform to the Language of Rights. *The Age of Human Rights Journal*. No. 6 P. 60—82. <https://doi.org/10.17561/tahrj.v0i6.2930>.

Caplan G. (1964) Principios de Psiquiatría Preventiva. Barcelona: Paídos. (In Spanish).

- González J. L., Garrido M. J. (2015) Satisfacción de las Víctimas de Violencia de Género con la Actuación Policial en España. Validación del Sistema VioGén. *Anuario de Psicología Jurídica*. Vol. 25. No. 1. P. 29—38. <https://doi.org/10.1016/j.apj.2015.02.003>. (In Spanish).
- Heise L. (1998) Violence Against Women: An Integrated, Ecological Framework. *Violence Against Women*. Vol. 4. No. 3. P. 262—290. <https://doi.org/10.1177/1077801298004003002>.
- Larrauri E. (2009) Desigualdades Sonoras, Silenciosas y Olvidadas: Género y Derecho Penal. *Anuario de la Facultad de Derecho de la Universidad Autónoma de Madrid*. No. 13. P. 37—55. (In Spanish).
- Ortubay M. (2015) Cuando la Respuesta Penal a la Violencia se Vuelve Contra las Mujeres: las Contradenuncias. *Oñati Socio-Legal Series*. Vol. 5. No. 2. P. 645—668. (In Spanish).
- Pitch T. (2009) Justicia Penal y Libertad Femenina. In: Bodelón E., Nicolás G. (eds.) *Género y Dominación: Críticas Feministas del Derecho y el Poder*. Barcelona: Observatori del Sistema Penal i els Drets Humans. P. 117—126. (In Spanish).
- Symington A. (2004) Interseccionalidad: Una Herramienta Para la Justicia de Género y la Justicia Económica. *Derechos de las Mujeres y Cambio Económico*. No. 9. P. 1—8. (In Spanish).
- Strobl R. (2004) Constructing the Victim: Theoretical Reflections and Empirical Examples. *International Review of Victimology*. Vol. 11. No. 2—3. P. 295—311. <https://doi.org/10.1177/026975800401100206>.

Приложение 1. Интервью

- Е1:** Елена Гранадос (заместитель генерального директора Главного управления по поддержке жертв гендерного насилия в автономном сообществе Мадрид). Дата: июнь 2016 г. Место: офис Главного управления, Мадрид.
- Е2:** Мария Луиса Мартин (женщина, пережившая насилие). Дата: май 2016 г. Место: кафе в районе Сан-Хосе.
- Е3:** Антонио Муньос (адвокат, специализирующийся на вопросах гендерного насилия). Дата: май 2016 г. Место: кабинет респондента.
- Е4:** Адвокат-юриисконсульт. Дата: июль 2016 г. Место: организация «Дом женщин».
- Е5:** Психолог и социальный работник. Дата: июль 2016 г. Место: организация «Дом женщин».
- Е6:** Хосе Луис Санс (руководитель подразделения EMUME — Гражданская гвардия). Дата: июль 2016 г. Место: штаб-квартира Гражданской гвардии (Сарагоса, ул. Сесар Аугусто, 8).
- Е7:** Наталия Сальво Касаус (директор Института по делам женщин Арагона). Дата: июль 2016 г. Место: Институт по делам женщин Арагона.
- Е8:** Пилар Наварро (женщина, пережившая насилие). Дата: май 2016 г. Место: кафе на улице Сан-Мигель.
- Е9:** Соня Чиринос (судья). Дата: июнь 2016 г. Место: Суд № 1 по делам о насилии в отношении женщин, Мадрид.
- Е10:** Пилар Марин Нахера (глава прокуратуры по борьбе с насилием в отношении женщин). Дата: июнь 2016 г. Место: зал прокуратуры по борьбе с насилием в отношении женщин.
- Е11:** Роданас Гуррия (адвокат и руководитель службы государственных защитников по делам о гендерном насилии). Дата: апрель 2016 г. Место: кабинет респондента.
- Е12:** Хорхе Сурита (уполномоченный по системе VioGén). Дата: июль 2016 г. Место: Государственный секретариат — Министерство внутренних дел, Мадрид.

Приложение 2. Документальные источники

Gobierno de Aragón. Departamento de Servicios Sociales y Familia (2004) I Plan Integral para la Prevención y Erradicación de la Violencia contra las Mujeres en Aragón, 2004—2007. Zaragoza: Gobierno de Aragón, Departamento de Servicios Sociales y Familia, Instituto Aragonés de la Mujer. (In Spanish)

Gobierno de Aragón. Departamento de Servicios Sociales y Familia (2009) II Plan Integral para la Prevención y Erradicación de la Violencia Contra las Mujeres en Aragón, 2009—2012. Zaragoza: Gobierno de Aragón, Departamento de Servicios Sociales y Familia, Instituto Aragonés de la Mujer. (In Spanish)

Instituto Aragonés de la Mujer (2014) Evaluación del II Plan Integral para la Prevención y Erradicación de la Violencia Contra las Mujeres en Aragón, 2009—2012. Zaragoza: Gobierno de Aragón. (In Spanish)

Instituto Aragonés de la Mujer. Departamento de Sanidad, Bienestar Social y Familia. Gobierno de Aragón (2014) III Plan para la Prevención y Erradicación de la Violencia Contra las Mujeres en Aragón. Zaragoza: Gobierno de Aragón. (In Spanish)

Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad. Delegación del Gobierno para la Violencia de Género (2015) VII Informe Anual del Observatorio Estatal de Violencia Sobre la Mujer — Informe Ejecutivo. Madrid: Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad. (In Spanish)

Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales, Secretaria General de Políticas de Igualdad, Instituto de la Mujer (2007) Guía para Sensibilizar y Prevenir desde las Entidades Locales la Violencia contra las Mujeres. Madrid: Federación Española de Municipios y Provincias. (In Spanish)

Observatorio de la Salud de la Mujer de la Dirección General de la Agencia de Calidad del Sistema Nacional de Salud (SNS) del Ministerio de Sanidad y Consumo y por la Comisión contra la Violencia de Género del Consejo Interterritorial del SNS (2005) Informe Violencia de Género 2005. Madrid: Ministerio de Sanidad y Consumo. (In Spanish)

Observatorio contra la Violencia Doméstica y de Género. *Consejo General del Poder Judicial*. URL: <http://www.poderjudicial.es/cgpj/es/Temas/Violencia-domestica-y-de-genero/El-Observatorio-contra-la-violencia-domestica-y-de-genero/> (accessed: 09.08.2020). (In Spanish)

ONU Mujeres (2013) Elementos Esenciales de Planificación para la Eliminación contra la Violencia de Mujeres y Niñas. Informe Anual 2012—2013. New York, NY: ONU Mujeres. (In Spanish)

Organización Mundial de la Salud (2013) Estimaciones Mundiales y Regionales de la Violencia contra la Mujer. Prevalencia y Efectos de la Violencia Conyugal y de la Violencia Sexual no Conyugal en la Salud. Washington, DC: OMS. (In Spanish)

Council of Europe (2011) Convenio del Consejo de Europa sobre Prevención y Lucha contra la Violencia contra las Mujeres y la Violencia Soméstica. *Council of Europe Treaty Series No. 210*. URL: <https://rm.coe.int/1680462543> (accessed: 09.08.2020). (In Spanish)